

Ю. В. Иванов

Корнелий Крюйс

Будущий первый адмирал российского флота Корнелиус Крюйс родился 14 июня 1655 года в норвежском городе Ставангере. При рождении он был наречен именем Нильс Ульсен; имя, прославившее его в России, он получил значительно позже, уже в зрелом возрасте. О его ранних годах жизни осталось мало сведений. Известно, что он в 1669 году в четырнадцатилетнем возрасте покинул отчий дом, уехав в Голландию, где нанялся матросом на торговое судно «Виктория». Он быстро привык к матросской жизни: научился ловко лазить вверх и вниз по снастям, работать на палубе при установке парусов. Затем перешел на судно «Жемчужина», капитаном которого был капитан Свен Дойл.

Десять лет спустя, в возрасте двадцати пяти лет, Нильс Ульсен, сменив несколько кораблей, стал капитаном на торговом судне «Африка» и получил при этом патент на каперство. К этому времени он уже обошел полсвета, был несколько раз в Индии, Америке и в Средиземном море.

В 1681 году Нильс женится на Катарине Фогт, дочери голландского капитана, и в следующем году у него родилась дочь. Всего же у него было пятеро детей: четыре мальчика и девочка; два мальчика, однако, впоследствии умерли. Следующие семь лет Нильс Ульсен, занимаясь челночными рейсами по Европе, довольно часто меняет суда — до 1688 года их было, по-видимому, не менее девяти. В 1688–1690 годы он в качестве капитана торгового судна работал на Ост-Индскую компанию, доставляя грузы (сыры и пиво) из Нидерландов в различные страны и колонии — Венецию, Португалию, Кубу, Испанию, Кюрасао. Во время одного из путешествий на Кубу ему даже удалось взять в плен французское судно.

Последнее плавание было долгим. В том же году самого Ульсена захватывают французы и более полугода держат в плену. Его мать Апелуне помогает сыну оформить документы о подданстве датскому королю, и как подданного Датского королевства, с которым Франция боевых действий не ведет, в конце января 1692 года его освобождают из плена.

Корнелий Иванович Крюйс

Последующие четыре года Нильс Ульсен, ставший к этому времени уже Корнелиусом Крюйсом, выходил в море мало, на-

нимаясь преимущественно на строительство морских гаваней и крепостей. Наконец в 1696 году он получил место обер-экипажмейстера при Нидерландском Адмиралтействе, где проработал два года. Мир, заключенный в 1697 году, на некоторое время привел к сокращению и военно-морского флота Нидерландов и к безработице среди лиц, обслуживающих его на берегу. Крюйс поручили отвечать за снаряжение и надзор над нидерландскими военными кораблями. Новая работа на суше оказалась не проще, чем служба в море капитаном. В Адмиралтействе ему приходилось взаимодействовать с огромным количеством моряков, грузчиков, поставщиков продовольствия, оружия, боеприпасов, такелажа и парусов, одежды и материалов.

К этому времени и относится судьбоносное знакомство Крюйса с волонтером русского посольства Петром Михайловым, оказавшимся впоследствии царем Петром Великим. Петр в это время активно нанимал знающих людей для организации и строительства российского флота. Перед тем Петр предложил перейти на российскую службу голландскому адмиралу Гиллю Шхею,

но тот отказался, предложив вместо себя уже знакомого Петру Корнелиусу Крюйса, не видевшего перспектив скорого карьерного роста при нидерландском Адмиралтействе. Другим поручителем Крюйса стал бургомистр Амстердама Николас Витсен. В декабре 1697 года Крюйс, которому нужно было кормить многочисленное семейство, принял предложение Петра, за что сразу получил от него две соболя шубы. Примерно полгода Крюйс утрясал всяческие служебные дела и вел переговоры с другим представителем русского посольства, Федором Головиным, о своем жаловании и статусе в России. Петр, видя колебания голландского специалиста, в знак своего покровительства предложил ему сразу чин вице-адмирала и шпагу с серебряным эфесом. Контракт о поступлении Крюйса на русскую службу был подписан в апреле 1698 года.

Став таким образом одним из первых лиц в создающемся русском флоте, Крюйс энергично принялся за дело. Прежде всего он составил, на оснований голландского и датского уставов, инструкцию о «первых правилах морской службы», затем озаботился подысканием себе помощников среди иностранных моряков и, приехав с ними в этом же году в Россию, отправился в Архангельск, откуда в октябре 1698 года переехал в Москву. Здесь Крюйс получил распоряжение отправиться в Воронеж для устройства там русского Адмиралтейства и строительства корабельной верфи.

В 1699 году Крюйс участвовал в «забавном» (практическом) Керченском походе Петра, предпринятом для сопровождения отправляемого в Константинополь посла Украинцева, причем Петр находился на корабле «Апостол Петр», а Крюйс командовал кораблем «Благое начало». Корабли вышли из Азова, достигли Таганрога и Керчи, а оттуда вернулись назад в Азов. Затем Крюйс сопровождал проход русского военного корабля «Крепость» мимо турецкого флота у Керчи к Константинополю, попутно участвуя в переговорах делегации Ф. М. Апраксина с турками, уговаривая их разрешить проход этого корабля. Тогда же он был назначен бургомистром Таганрога, а в скором времени стал ближайшим советником Федора Алексеевича Головина, который сменил Лефорта в качестве главы военно-морского ведомства.

В том же году Крюйс занялся обмером Дона от впадения в него реки Воронеж до устья в Таганроге и далее по берегу

Азовского моря — от Таганрога до Керчи. Описание этого похода содержится в «Экстракте из журнала, держанного от господина вице-адмирала Крюйса на пути из Москвы на Воронеж, с Воронежа на Азов, на Таганрог и Керчь, а оттуда паки назад к Азову 1699 года», а результатом этой поездки явилось составление Крюйсом «описания р. Дона по ее истинному положению, расширению и течению от города Воронежа до впадения ее в море, купно с изображением Азовского и Черного морей, со всеми их губами, мелями и впадающими в них реками, причем означен прокоп соединения рек Волги и Дона, посредством рек Илавлы и Камышинки». Другим трудом, выполненным Крюйсом в 1699 году, явилось историческое известие о реке Доне, Азовском море, Воронеже и Азове с приложениями некоторых сведений о казаках и карт указанных местностей.

В следующем, 1700 году Крюйс вернулся в Воронеж, где в течение двух лет, до весны 1702 года, занимался постройкой и исправлением кораблей российского морского флота. После переезда летом 1702 года в Архангельск его основной задачей стало укрепление города и портовых сооружений, а также постройка военной эскадры на Белом море, на которой он совершил несколько походов по Онежскому заливу и по Белому морю до Соловецкого монастыря и селения Нюхчи в Онежском озере. Крюйс руководил постройкой дороги и перетаскиванием сухим путем до Онежского озера двух яхт и нескольких гребных судов, прошел на них по Онежскому озеру и реке Свири до Сермаксы.

Осенью 1702 года он поехал на иностранном купеческом судне в Голландию и здесь пробыл до конца 1704 года, наблюдая за обучением присланных Петром из России молодых людей и матросов и вербуя мастеров и офицеров для русского флота. Ему удалось договориться с адмиралтейством в Амстердаме о приеме на голландскую службу тысячи русских матросов. Здесь же, в Амстердаме, Крюйс нанял на должность своего секретаря девятнадцатилетнего Генриха Остермана — впоследствии знаменитого вице-канцлера. Другим важным приобретением Крюйса стал Витус Беринг (будущий великий путешественник, руководитель двух камчатских экспедиций). Кроме собственно вербовки морских иностранных специалистов, Крюйс занимался также

вопросами обучения и распределения посланных с ним русских по портам, кораблям и школам.

По возвращении в Россию летом 1704 года Крюйс привез с собою пастора из Геттингена, ставшего первым российским лютеранским пастором в Ингерманландии, незадолго до того отво-еванной, а также ряд иностранных скульпторов, живописцев и архитекторов. Все они прибыли сначала в Архангельск, а затем были перевезены в новую русскую крепость — город Санкт-Питер-Бурх, ставшей спустя несколько лет столицей всей Российской империи. Те несколько месяцев, которые Крюйс был в Архангельске, он занимался вопросами усиления влияния города в европейской внешней торговле.

Кроме иностранных специалистов, Крюйс из Голландии в Петербург вывез и всю свою большую семью, и уже весной следующего года решил строиться в Петербурге, выбрав участок на левом берегу Невы близ Адмиралтейства и построив «дворец» по собственному проекту. Дом Крюйса оказался в центре светской и деловой жизни города. Здесь часто бывал Петр, проходили шумные ассамблеи и заседания адмиралтейских советов. Стремлением вице-адмирала сделать свою петербургскую жизнь похожей на ту, которую он оставил в Голландии, была продиктована его деятельность, которой он занимался помимо царской службы, — он покровительствовал всем приезжим голландцам, а также следил за всеми реформаторскими церквями. Одна из горниц дома несколько лет служила местом собраний протестантских общин, а в 1708 году во дворе для общины была построена церковь.

По прибытии в Санкт-Петербург Крюйс был назначен управляющим Балтийским флотом. В этом качестве в течение всего 1704 года он был занят наведением порядка в распределении команд по судам, написанием инструкций по снабжению судов и адмиралтейства припасами, продовольствием и обмундированием «морских служителей». В Санкт-Петербургской крепости и Кронштадте Крюйс под руководством Петра занимается составлением планов и чертежей строящихся крепостных сооружений. Помогал в этих делах Крюйсу его сын Ян (Иван). При непосредственном участии Крюйса был заложен первый на острове Котлин зимний жилой дом. В Петербурге Крюйс являлся одним

из главных координаторов строительства города, отвечая за противопожарную безопасность и защиту построек от невских наводнений, осуществляя надзор за строительством жилья для тысяч рабочих в городе.

Из документов известно, что жалование Крюйса в 1706 году составляло 4000 руб. (4000 ефимков отдавали ежегодно его поверенному в Амстердаме, 1200 руб. ему лично, при курсе ефимок — 70 копеек); сверх того положено было ему 36 четвертей муки и 72 руб. на содержание денщиков, от всех «призов» значалось по три процента с оценки. Сумма со взятых «призов» с чужих купеческих судов достигала нескольких сотен и даже тысяч рублей в разные годы.

С осени 1704 года по чертежам Крюйса на острове Котлин строилась артиллерийская батарея, законченная весной следующего, 1705 года. Спустя полгода батарея показала себя с весьма хорошей стороны, приняв участие в отражении шведского нападения на Кронштадт.

Шведский адмирал Анкерштерн с семью линейными кораблями, вооружение каждого из которых составляло от 54 до 64 пушек, шести фрегатов (от 28 до 36 пушек на каждом) и большим количеством мелких судов подступил к Котлину, возле которого стояла эскадра Крюйса из восьми 24-пушечных кораблей, шести 12-пушечных шняв, двух брандеров и шести галер. Первая же попытка шведов 4 июня высадить десант была отбита с большим уроном. Шведы рассчитывали занять Котлин с первого броска, а вторым покорить Петербург, закончив всю кампанию уже через неделю, но просчитались. Осада Котлина длилась сорок два дня, с 4 июня по 15 июля 1705 года. В это время Крюйс для разрушения неприятельских кораблей предложил создать особые ящики, наполненные порохом. Этими ящиками предполагалось как разрушать стены неприятельских крепостей, так и взрывать неприятельские суда. К стене ящик должен был быть прикреплен вплотную, а к неприятельскому судну подвешен на брандере и зажжен у корабельного борта.

Первое сражение шведов с русскими войсками состоялось 5 июня 1705 года. В этом сражении Крюйс командовал обороной острова и Балтийским флотом, на флагманском фрегате «Флигель

де-Фам» («Летящая слава»). 15 июля шведы, после ожесточенного боя, во время которого они потеряли пленными семь человек офицеров, двадцать восемь рядовых и унтер-офицеров и более четырехсот человек убитыми, принуждены были отказаться от своего намерения и уйти в море. Всего же потери составили со шведской стороны пятьсот шестьдесят человек убитыми, сто четырнадцать ранеными и тридцать пять — пленными. Русские потеряли шестьсот двадцать девять убитыми и пятьдесят ранеными.

К этому времени относятся и первые крупные стычки Крюйса с подчиненными. По своему характеру он был неуживчивым и мрачным человеком и, кроме того, нетерпимым к воровству, лжи и различного рода человеческим слабостям. В кампанию 1705 года он до того был недоволен своими подчиненными, что жаловался на них Апраксину: «Ныне, как по прямую речить, так у меня здесь дело идет истинно с несправедными людьми, как которые ныне у адмиралтейских дел состоят». Со своей стороны и подчиненные Крюйса не были довольны действиями своего начальника.

В следующем, 1706 году Крюйс снова крейсировал в Балтийском море, имея флаг на фрегате «Олифант», и эта кампания закончилась серьезной ссорой Крюйса с галерным шаутбенахтом Боцисом, так что понадобилось даже вмешательство Петра. Неприязненные отношения развивались по нарастающей и к 1713 году достигли такой степени остроты, что Крюйс в письме к Апраксину заявлял, что «с оным шаутбенахтом на воде и на сухом пути служить никогда не могу, и кроме того надеются, что Его Царское Величество мне правый суд учинит, а без того я не достоин ни в какой команде быть... Боже оного смутителя по вине его да накажет».

Через год, летом 1708 года, шведы под командованием генерала Г. Любекера вновь попытались овладеть Кронштадтом и Петербургом. После того как Крюйс получил известие о форсировании шведами Невы у впадения в нее Тосны, он, не имея довольно живой силы, пустился на хитрость. Первым делом адмирал приказал сжечь незащищенные русские провиантские магазины, чтобы таким образом лишить шведов средств продовольствия, а затем выставил на Неве для устрашения целый флот из старых, негодных и списанных судов. Шведы рисковать не захотели, пустив войска в обход Петербурга с тем, чтобы в районе Большой Ижоры выйти

к Котлину. Затем Крюйс составил фальшивое письмо бригадиру Фразеру в Копорье, в котором убеждал его защищаться, заявляя, что он через сутки придет к нему на помощь с сорокатысячным отрядом и с флотом, идущим по Неве. Письмо это попало к Любкеру, и тот, поверив написанному, спешно отступил к Финскому заливу, под защиту шведского флота, оставив позади себя восемьсот человек из своего отряда для истребления обоза — этот отряд был взят в плен подоспевшими русскими. Поспешное отступление шведских войск от Копорья не позволило им перекинуть часть войск под Полтаву, и таким образом хитрость Крюйса способствовала победе русских в Полтавском сражении.

Следующие несколько лет Крюйс «начальствовал флотом», стоявшим у Котлина, плавая на флагманских кораблях «Олифант», а затем «Думкрат». Помимо плавания, он продолжал работы по устройству и снабжению судов галерного и корабельного флота, по укреплению форта Кроншлот, а в Петербурге учредил «Петришуле» — школу, предназначенную для живущих в России иностранцев, ставшую впоследствии одним из лучших начальных учебных заведений в России.

В октябре 1709 года на бракосочетании герцога Курляндского Фридриха Вильгельма с русской царевной Анной Иоанновной Крюйс присутствовал в качестве «брата жениха», в то время как Петр I был посаженным отцом. В конце того же года Крюйс при непосредственном участии Петра заложил первый в петербургском адмиралтействе 54-пушечный корабль «Полтава».

1710 год начался с парада кораблей и войск по случаю победы русских войск в Полтавском сражении, и на этом параде Крюйс представлял Балтийскую флотилию на флагманском корабле «Олифант». На том же «Олифанте» весной он в условиях почти сплошного льда сопровождал до Бьерке к войскам, осаждавшим Выборг, галеры и транспортные суда с провиантом и осадной артиллерией. Осенью Крюйс, по случаю начавшейся войны с турками, был послан Петром в Воронеж для приготовления к кампании азовского флота, и до октября месяца 1711 года начальствовал над азовской эскадрой, стоявшей в таганрогской гавани, попутно успев составить инструкцию офицерам «о порядках в хождении парусном и в баталии».

В сражении против турок в июле 1711 года Крюйс на флагманском корабле «Меркурий» действовал со своей эскадрой боевых кораблей и маневрированием остановил наступление неприятеля. После заключения мира с Турцией адмирал был вновь вызван в столицу, где принял на себя работы по постройке котлинской гавани, казарм и наблюдение за всеми мастерскими.

В феврале 1712 года Крюйсу была оказана особая честь: на свадьбе Петра I и Екатерины он занимал почетное «отцово место» — был шафером (дружкой) Петра, а его жена Катари́на — «подружкой» Екатерины Алексеевны. На праздничном пире по правую руку от Петра сидел «первый посаженный отец» Крюйс, а А. Д. Меншиков стоял сзади со стороны вице-адмирала. Другим «посаженым отцом» был шюттенбахт Боцис, тот самый, с которым Крюйс зарекался впредь общаться. Петр попытался было примирить двух соперников, но оба лишь холодно между собою раскланялись, не вступая в общение.

А летом того же года произошло событие, повлекшее за собой цепочку весьма неприятных для Крюйса последствий. В конце июля три шведских корабля в виду русского флота отделились от основной эскадры, попытавшись высадить десант. Крюйс, находясь на флагманском корабле «Рига» на рейде Кронштадта, выслал несколько своих кораблей преследовать уже отходящие шведские суда, но, неправильно рассчитав расстояние и скорость, упустил их, дав возможность соединиться с основными шведскими силами. Сам по себе этот случай был вполне рядовым, но враги Крюйса, и особенно шюттенбахт Боцис, отнеслись к нему как к свидетельству непригодности Крюйса к командованию флотом.

В следующем же 1713 году Крюйс совершил еще одну промашку, вызвавшую сильный гнев Петра. В начале года адмирал был им назначен главнокомандующим операцией по блокированию с моря Гельсингфорса. Петр непременно сам хотел участвовать в походе. Весной Петр пошел в Гельсингфорс с двумястами гребными судами и шестнадцатью тысячами войска и, заняв этот город, вернулся в Кронштадт, чтобы двинуть в море эскадру, находившуюся под начальством Крюйса.

Крюйс, узнав о желании Петра участвовать тоже в походе, подумал, будто Петр, вследствие происков Меншикова и Боциса,

утратил к нему доверие и теперь желает лично контролировать его действия. Тогда он написал Петру большое письмо, в котором уговаривал Государя поберечь себя для блага отечества и отказаться от своего намерения лично участвовать в походе. В заключение он упрашивал Петра не верить доносам своих врагов, желающих очернить его в глазах государя. Письмо это сильно рассердило Петра, и он ответил Крюйсу довольно резким письмом, цитируя примеры грозящих на войне опасностей, приводимые Крюйсом, против каждого примера приводя иронические замечания, отметив, что коли до сих пор его присутствие всегда доставляло радость тем, с кем он желал ехать, то теперь, видя нежелание Крюйса совершить поход вместе с ним, он, как подчиненный шаутбенахт, сочтет своим долгом послушать вице-адмирала. Но прибавил, что план его относительно морской кампании остается неизменным и он, уже как государь, требует, чтобы Крюйс немедленно приступил к его точному выполнению, «а именно, чтобы корабли ревельские препроводить». Так, Крюйс, выполняя петровский приказ, на флагманском корабле «Рига» отправился в составе части Балтийского флота к Ревелю, где должна была состояться встреча купленных за границей для русского флота кораблей. На другой день корабли отправились из Ревеля к Гельсингфорсу и, не доходя до него, встретили три шведских корабля. Непрерывно обстреливая неприятеля, русские корабли приблизились до abordажного расстояния, ожидая лишь приказа флагмана. Но шведы, пользуясь знанием фарватера, внезапно отвернули корабли, уйдя в балтийские шхеры, а русские суда, пытаясь догнать их, наткнулись на тянувшуюся гряду подводных камней. Шедший ближе всех к неприятелю «Выборг» налетел на подводные камни и стал тонуть, за ним в то же положение попал флагманский корабль «Рига», у которого вдобавок неприятельским ядром пробило кюйт-камеру. Крюйс, не имея возможности лично наблюдать за боем, велел прекратить погоню, и капитан Рейс, бывший на «Полтаве» и успевший снова догнать неприятелей, вполне готовый схватиться на abordаж, по сигналу Крюйса отступил, и шведы благополучно ушли от преследования. При этом флагман «Рига» отделался лишь незначительными повреждениями и утром следующего дня был

успешно с камней сведен, а вот «Выборг» получил столь большую пробоину в борту, что его пришлось там же сжечь.

В условиях Северной войны потеря нового корабля в небоевых действиях так разозлила Петра, что он решил возможно сильнее наказать провинившегося адмирала. В конце года для расследования действий Крюйса была назначена специальная судебная комиссия, в состав которой вошли: генерал-адмирал Апраксин, контр-адмирал Петр Михайлов (т. е. сам царь), капитан-командор князь Меншиков, капитаны: Нальсон, Кронсбург, Змаевич и Сиверс, капитан-лейтенант Беринг, лейтенанты Мишуков и Зотов; каждый из судей должен был отдельно изложить свой приговор в письменной форме.

На суде Крюйс вместо того, чтобы признать себя виновным и указывать лишь смягчающие вину обстоятельства, держался очень гордо и заносчиво, сваливал всю вину на подчиненных, обвиняя их в непослушании, невежестве и желании оклеветать его, и этим вывел из себя и без того враждебно настроенных по отношению к нему судей. В итоге ему была поставлена в вину и его прошлогодняя неудачная погоня за шведскими судами (по делу 1712 года он был обвинен в неумелых распоряжениях и недостатке энергии), по нынешнему событию он был обвинен сразу по нескольким пунктам: 1) что не дал соответствующей инструкции офицерам, а говорил лишь о предстоящем плане действий частным образом, за обедом, и не при полном собрании всех офицеров; 2) что не подал условленного сигнала к абордажу и 3) что не пересел немедленно на другой корабль, когда его судно село на мель и таким образом оставил эскадру на время без начальника. Приговор этот был целиком списан с мнения, поданного Петром Михайловым, т. е. самим государем. 22 января 1714 года приговор был прочитан Крюйсу. Постановлено было: «Вице-адмирала Корнелиуса Крюйса, за его преступления и неисполнение своей должности против первого артикула наказать смертью», а с командования Балтийским флотом снять. Вслед за тем было объявлено, что по монаршей милости смертная казнь заменяется ему лишением чинов и ссылкой в Тобольск. Несколько позднее место ссылки было изменено, и Крюйс вместо Тобольска отправился в Казань, где пробыл тринадцать месяцев.

В Казани Крюйсу была предоставлена большая усадьба, он жил в большом доме, и при нем находилось полсотни матросов. Но,

несмотря на это, он почти сразу по прибытии в ссылку послал несколько писем Апраксину, прося его вымолить у государя для него помилование, а спустя некоторое время и самому государю подал смиренную просьбу, в которой уже не оправдывался и не жаловался на своих врагов, а просил только во внимание к его долголетней и верной службе и старости простить его.

Ссылка была недолгой — чуть больше года. В марте 1715 года Крюйсу было разрешено вернуться в Петербург, а через два дня по приезде Петр через Меншикова вернул ему шпагу и пожаловал ему снова все прежние чины, назначив его «заведывающим адмиралтейскими и экипажескими делами» и выдав ему в качестве компенсации за страдания 20000 руб. Решение Петра было в немалой степени продиктовано тем, что за время ссылки Крюйса дела в Адмиралтейств-коллегии сильно ухудшились, а назначенный преемник явно с ними не справлялся. Но с этого момента Петр назначал его на высокие посты исключительно административные, полагая, что энергичный и распорядительный Крюйс не обладает достаточной решительностью при управлении флотом в боевых сражениях.

Летом Крюйс плавал в составе ревельской эскадры Апраксина, а затем остальную часть года посвятил приведению в порядок запущенных, по его мнению, экипажных дел. Он подал государю обширный доклад, в котором намечал целый ряд необходимых улучшений и преобразований и указывал на необходимость устройства «хамовного двора», на котором можно было бы «изготавливать канифас, фламское, любское и остербрунское полотна дешевле заморского 80 процентами».

Весной 1716 года Крюйс был назначен исполняющим должность генерал-интенданта по снабжению кораблей Балтийского флота, почти сразу за тем получив выговор от Петра за медлительность в снабжении Ревельской эскадры. К этому времени возобновились непрерывные ссоры Крюйса с подчиненными, на которых он постоянно жаловался в своих письмах Апраксину, утверждая, что они нарочно подводят его, чтобы очернить перед государем. Упрек Петра сильно подействовал на престарелого Крюйса, которому к этому времени исполнилось уже шестьдесят лет, у него развилась грудная жаба, от которой впоследствии Крюйс сильно страдал.

В следующем году Крюйс послан был в Ревель для принятия мер по обороне и вооружению порта и стоявших в нем судов от ожидаемых нападений шведов. По возвращении в Петербург он получил в управление московскую парусную фабрику, ижорские пильные мельницы и угольные заводы. А в декабре того же года Петр поручил Крюйсу составить проект учреждения адмиралтейств-коллегии, что Крюйс и выполнил вполне добросовестно. Он составил обширный доклад, с приведением регламентов шведской и голландской адмиралтейств-коллегий. 15 декабря последовал указ об учреждении Адмиралтейств-коллегии, и в тот же день Крюйс был назначен в ней вице-президентом, в каком звание и состоял до самой своей смерти. Президентом коллегии стал адмирал Федор Апраксин.

В последующие годы в судьбе Корнелиуса Крюйса не произошло значительных перемен. Он много работал в Адмиралтейств-коллегии, справляясь с разнородными порученными ему делами, в отсутствие Апраксина в январе 1719, в 1722 и в июле 1723 года исполнял обязанности президента коллегии.

22 октября 1721 года по случаю заключения Ништадтского мира, о чем Петр собственноручно уведомил письмом Крюйса, он был произведен в адмиралы; на торжественном обеде по этому поводу у Петра I Крюйс сидел за столом на одном из первых мест. В сентябре 1723 года на празднике в честь ботика на самом ботике гребцами были он и Апраксин, в то время как рулем правил сам государь. Тогда же на торжествах он командовал передовой флотилией, имея свой флаг на корабле «Гангут». В мае 1723 года Петр в награду Крюйсу за постройку и удачный спуск 44-пушечного корабля «Михаил» повелел генералу Бутурлину сложить для постройки каменного дома Крюйса каменную кузницу, горны и доставить для них уголь.

К середине 1720-х годов здоровье Корнелиуса Крюйса стало заметно ухудшаться. Грудная жаба развилась, и кроме того Крюйс все чаще испытывал приступы мочекаменной болезни. В 1724 году ему предписано было начать плавание на корабле «Фридрихштат», но он, чувствуя невозможность выполнения поручения государя, обратился к Апраксину с письмом, в котором указывал на полнейшую свою недееспособность из-за разных

болезненных припадков. Примерно с того же времени он стал бывать на службе в Адмиралтейств-коллегии все реже, требуя наиболее важные дела приносить для подписи к себе на дом; таким же образом он управлял и порученными ему пергаментной и бумажной фабриками.

После смерти Петра в январе 1725 года Крюйс, сознавая полную неспособность дальнейшего выполнения своих обязанностей, обратился с письмом к Екатерине с просьбой об отставке. Но отставка государыней дана не была, и Крюйс остался на прежней должности. В эти годы Крюйс подписывал паспорта купеческим судам, организовывал новое пергаментное дело в Петербурге, занимался снабжением верфей и кораблей, строительством причалов, спланировал церковную лютеранскую общину. С возрастом адмирал стал человеком очень набожным и, когда еще не было лютеранских церквей ни в Кронштадте, ни в Санкт-Петербурге, организовывал церковную службу у себя на дому. Через датского посланника Ханса Георга Вестфалена Крюйс обращался к датскому королю за денежной помощью для строительства в Санкт-Петербурге церковного здания.

28 марта 1727 года Адмиралтейств-коллегия сделала доклад относительно Крюйса, что он за старостью не может исполнять воинской службы и в коллегии уже несколько лет не бывал, но ответом на это был высочайший указ от 6 мая, в котором государыня оставила вице-адмирала в той же должности и на прежних условиях. Это проявление монаршей благосклонности было последней радостью для Крюйса: 3 июня, в день своего семидесятилетия, он скончался, завещав похоронить себя в Голландии.

Тело адмирала было перевезено в Амстердам и там захоронено. Жена Крюйса Катарина вернулась в Петербург, где ей высочайшим указом от 9 июня 1727 года предоставлено было пожизненное владение деревнями, пожалованными ее мужу. Она прожила еще пятнадцать лет и в 1742 году была похоронена в Петербурге.

Литература: Корнелиус Крюйс: Адмирал Петра Великого. Ставангер, 1998; *Титлестад Т.* Царский адмирал Корнелиус Крюйс на службе у Петра Великого. СПб., 2003.